

Генрикъ Ибсенъ.

Только что скончавшійся знаменитый норвежскій драматургъ сталъ хорошо извѣстенъ русской читающей и посѣщающей театр публикѣ сравнительно недавно. Полный переводъ на русскій языкъ его сочиненій (въ изданіи Свирмунта въ Москвѣ) вышелъ въ свѣтъ къ прошлому году, а на сценѣ его драмы стали прибрѣтать извѣстность только съ половины девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка, тогда какъ на Западѣ, особенно въ Германіи, еще въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ Ибсенъ пользовался громкою извѣстностью, и около его имени шла горячая литературная полемика. Его знаменитая „Нора“ (Семья куклы), на русской сценѣ извѣстная не болѣе десяти лѣтъ, считается за собою четверть вѣка, и т. п.

Крайне любопытно само по себѣ—почему такъ долго не привлекалъ вниманія русской литературы нынѣ столь популярный писатель. Объясненія этому, кажется, надо искать въ томъ общественно-психологическомъ настроеніи нашихъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, которое выше всего ставило дѣло общественнаго служенія и самопожертвованія, создало знаменитое „движеніе въ народъ“ и героическую отчаянную схватку „народной волн“ съ абсолютизмомъ. Долго „народническому“—въ широкомъ смыслѣ этого слова—настроенію было чуждъ крайній индивидуализмъ Ибсена, и обществу, въ которомъ не было еще и зачатковъ правильной политической жизни, совершенно неумѣстны, „реакціонны“ казались нѣкоторыя особенности взглядовъ Ибсена, его скептическое и презрительное отношеніе къ многимъ частностямъ и чертамъ этой политической жизни въ ея полномъ развитіи. Бѣдны насильники Ибсена надъ мелочною партійною политикой, надъ рутинной политической жизни теперь, конечно, уже не мѣшаютъ оцѣнкѣ его творчества и тѣхъ истиннѣе освобождающихъ умъ и сердце началъ, которыми это творчество проникнуто.

Жизнь—борьба съ темными силами,
Таящимися въ глубинѣ сердца и ума,
Творить—значитъ вершить
Судъ надъ самимъ собою.

Такимъ четверостишьемъ опредѣлили самъ Ибсенъ свой взглядъ на жизнь и творчество, на отношеніе между жизнью и творчествомъ. Это самоопредѣленіе писателя ярко подчеркиваетъ преобладающее въ его поэтическихъ произведеніяхъ именно психологическое элементъ. Оно указываетъ на борьбу человѣческой души

съ многообразными темными силами, омрачающими человѣческое существованіе, какъ на предметъ, наиболѣе привлекавшій къ себѣ вниманіе писателя. Наконецъ, это самоопредѣленіе подчеркиваетъ интимную связь между пережитымъ въ тайникахъ сердца и ума писателя и результатами его творчества. „Ни одинъ поэтъ не переживаетъ ничего одинъ“,—выразился однажды Ибсенъ:—„То, что переживаетъ онъ, переживаютъ съ нимъ и его земляки-современники“. Въ этомъ смыслѣ творчество писателя, понимаемое какъ итогъ и судъ собственной душевной жизни, есть судъ надъ современностью. Что же такое тѣ темныя силы человѣческой души, борьбу съ которыми считалъ своимъ призваніемъ Ибсенъ, каковъ судъ гениальнаго писателя надъ современнымъ ему человѣкомъ?

Чтобы подвести общій итогъ тѣмъ отвѣтамъ, какіе могутъ быть даны на поставленные здѣсь вопросы, необходимо сначала отбросить все, что въ творествѣ великаго писателя имѣетъ значеніе болѣе или менѣе случайное. Надо отвлечься отъ всего, что обусловлено было происхожденіемъ Ибсена, какъ норвежца, условіями его воспитанія и развитія, откинуть разныя случайныя обстоятельства, наложившія особый отпечатокъ на его произведенія.

Въ самомъ замѣчательномъ норвежскомъ писателѣ нашего времени не было ни капли собственно норвежской крови. Между предками Ибсена, начиная съ прапрадѣда-датчанина, скрещивалась нѣмецкая, шотландская, нѣмецкая и опять нѣмецкая кровь. Онъ родился 20 марта 1828 г. въ г. Скіенъ въ Телемаркенѣ въ средѣ мѣстной старой торговой аристократіи, но родители его раззорились и ему, почти мальчикомъ, пришлось пробывать себѣ дорогу собственнымъ трудомъ, начавши съ занятій аптекарскаго ученика. Глубокое впечатлѣніе произвели на него бурныя европейскія событія 1848—49 гг., онъ по собственному его разсказу „сталъ на военную ногу съ міркомъ, мелочныя отношенія и условія жизни котораго давили его“. Вообще въ юности жизнь повертылась къ нему не красною стороною. Въ поискахъ лучшаго, онъ попадаетъ въ университетъ въ Христианіи; не окончивъ курса, участвуетъ въ социалистической газетѣ, издаетъ свою, печатаетъ первую свою драму „Катялина“ (все изданіе купилъ на вѣсь мелочной торговецъ), служитъ режиссеромъ театра, пишетъ наконецъ нѣсколько малооригинальных, но понравившихся публикѣ, романтическихъ драмъ на сюжеты древне-норвежской исторіи. Нѣкоторое время онъ отдастъ дань увлеченія борь-

бъ (впослѣдствіи ее осмѣиваетъ) за норвежскій націонализмъ противъ датскаго.

Первыя его, дѣйствительно, оригинальныя произведенія: „Комедія любви“ и лучшая изъ его историческихъ драмъ: „Претенденты на тронъ“ (Борьба за престолъ) были встрѣчаемы очень холодно. Писатель не зналъ одно время, служить ли попрежнему по театральной части, поступить ли въ таможеню, куда хотѣли его пристроить друзья, не одобрявше непрacticalности уже зрѣлаго годами, но все еще „начинающаго“ писателя. Кончилось тѣмъ, что Ибсенъ, послѣ датско-прусской войны, когда норвежцы не заступились за ограбленную Пруссією Данию, до того разошелся съ земляками, что отрясъ прахъ ноги своей отъ Христианіи, отъ этой, по его выраженію, „могилы среди кладбища“ и эмигрировалъ сначала въ Италію, потомъ въ Германію, гдѣ прожилъ около 20-ти лѣтъ и завоевалъ здѣсь себѣ знаменитость.

Первыя его, написанныя заграницею, вещи такъ тѣсно связаны съ Норвегіей и всеми особенностями ея національной жизни, что нѣкоторыя черты ихъ (это—двѣ знаменитыя драматическія поэмы—„Брантъ“ и „Перъ Гинтъ“) чужды иностранцамъ и расхолаживаютъ впечатлѣніе. Международную же славу Ибсена составилъ его огромный циклъ драмъ изъ современной жизни. Въ нихъ обнажена до глубокихъ корней современная жизнь съ ея буржуазной подкладкой, съ ея пороками, слабостями и въ то же время съ порывами и стремленіями лучшихъ головъ и мечтателей къ созданію чего то новаго, къ переходу въ новый міръ радости и свободы отъ міра темныхъ силъ и рабства.

Какъ мы упомянули, Ибсенъ въ молодости участвовалъ въ социалистической агитаціи. Но причислить его къ социалистамъ, какъ бы близко онъ ни сходилъ съ ними въ критикѣ буржуазнаго строя, нѣтъ никакихъ основаній. Очень рано Ибсенъ отрекся отъ какихъ бы то ни было партійныхъ пристрастій. „Я не принадлежу ни къ одной партіи и не хочу принадлежать ни къ одной; я не пожертвую своими чувствами организованной массѣ, называйся она партіей, обществомъ или государствомъ... Развитие нашей индивидуальности,—вотъ нашъ первый долгъ, а вовсе не подчиненіе общимъ интересамъ. У меня, по крайней мѣрѣ, нѣтъ ни малѣйшаго таланта стать гражданиномъ, руководителемъ школы, членомъ партіи... Партія гнететъ наше „я“ подъ свое иго, она препятствуетъ свободному образованію прекрасной человѣчности, она

врагъ личности, и только тотъ, кто стоитъ одиноко, кто не обязанъ оглядываться на идущихъ съ нимъ рядомъ и въ ногу, достигнетъ цѣли“. Какой цѣль?—Той, въ стремленіи къ которой вся цѣнность человѣческой жизни въ наши дни, пересозданіе ея, соответственно коренному перевороту во взглядахъ на смыслъ жизни, личной и социальной, вообще. „Люди желаютъ какихъ-то специальныхъ революцій, переворотовъ виѣшнихъ, политическихъ. Но все это только пустяки: прежде всего необходимо переворотъ самаго ума человѣческаго“. Такимъ образомъ, то несомнѣнное революціонерство, которому служить Ибсенъ, носить чисто идейный характеръ, при томъ чуждый специфической, классовою окраски.

Конечно, классовая точка зрѣнія можетъ дать для оцѣнки произведеній Ибсена весьма любопытныя перспективы. Цѣлый рядъ произведеній Ибсена,—особенно такихъ, какъ „Столпы общества“, „Врагъ народа“, гдѣ автора интересуетъ общественная психологія, можетъ послужить матеріаломъ для характеристикъ современнаго буржуа. Особенно ѣдко осмѣяны буржуазныя воззрѣнія на бракъ, любовь и женщину во многихъ драмахъ Ибсена („Комедія любви“, „Нора“, „Призрака“, „Столпы общества“ и т. д.) Психологія предпринимателя, мелкаго собственника и т. п. мѣтко и сатирически затронута въ „Столпахъ общества“, во „Врагѣ народа“, въ „Джонѣ Габриэлѣ Боркманѣ“ и др. Но если психологія человѣка существенно мѣняется въ своей окраскѣ съ переходомъ отъ однихъ общественныхъ слоевъ и классовъ къ другимъ,—то все же человѣческая психологія остается единою. Одни и тѣ-же основныя вопросы человѣческаго существованія могутъ мучить людей одинаково, будетъ ли то искатель правды пасторъ Брантъ, скиталецъ-авантюристъ Перъ Гинтъ, оскорбленная въ своихъ лучшихъ человѣческихъ чувствахъ такая женщина, какъ Нора, или женщина-мать, г-жа Альвингъ въ „Призракахъ“, гениальные неудачники-художники, какъ „строитель Сольнесъ“ или герой драмы „Когда мы, мертвые, пробуждаемся“, или бьющіеся въ тенетахъ повседневнои труженикъ, герои „Дикой утки“, или повелитель полміра императоръ Юліанъ.

Ибсенъ не былъ бы сыномъ своей страны и своего времени, если бы въ идейномъ содержаніи его произведеній мы не встрѣчались со многими такими чертами, которыя,—какъ мы упомянули—въ другой странѣ, въ другое время кажутся чуждыми, или представляются иѣ-

сколько наивными, точно авторъ ломается въ открытую дверь. Возьмите, напр., Бранда, этотъ специально норвежскій образъ священника-сектанта, богоборца. При существующемъ въ широкихъ кругахъ русской интеллигенціи индифферентизмъ ко всему мистическому, даже такой родной намъ гений, какъ Достоевскій, въ религіозно-мистической колоссъ его творчества остается чуждъ этимъ широкимъ кругамъ. Возникшія не такъ давно идеалистическія и мистическія исканія, захватившія часть нашей интеллигенціи и нашедшія себѣ органъ въ известномъ сборникѣ „Проблемы идеализма“ и журналѣ „Новый путь“, не продолжили пока сколько-нибудь замѣтной широкой дороги, по которой устремились бы искатели мистическаго откровенія. Такъ остается чуждымъ, мало говорить сердцу многихъ русскихъ „Брандъ“. Даже „Перъ Гянтъ“: для простого пониманія нѣкоторыхъ его страницъ нужно сначала усвоить норвежскій фольклоръ, особенности сказаній и суевѣрій норвежскаго крестьянства, что конечно мѣшаетъ цѣлности художественнаго впечатлѣнія. Съ другой стороны, возьмемъ такую пьесу, какъ „Нора“, до сихъ поръ въ мелко-буржуазной западно-европейской средѣ способную вызывать бурю негодованія. Въдѣ, поставленный ею вопросъ о правахъ женщины, какъ человѣка, для огромной части русской интеллигентной публики представляется рѣшеннымъ, и съ этой стороны прелести новизны пьеса не имѣла и не имѣетъ.

Но и въ подобныхъ произведеніяхъ живо то общее настроеніе, которое дѣлаетъ весь цѣль его произведеній и интереснымъ, и захватывающимъ каждаго современнаго человѣка. Въ нихъ также борьба съ „темными силами тайниковъ сердца и ума“.

Одна изъ такихъ темныхъ силъ, особенно привлекающая вниманіе Ибсена, одно время—въ качествѣ научно-обоснованнаго фактора—заняла было въ произведеніяхъ французской натуралистической школы и ея главы Эмиля Золя очень видное мѣсто и была предметомъ чисто-литературныхъ споровъ и полемики. Это—наслѣдственность, непосредственно и прямо затронутая въ „Призракахъ“. Но у Ибсена этотъ мотивъ физиологической наслѣдственности значительно углубленъ и сливается съ болѣе общей, часто философскою идеей необходимости, трагической судьбы, влекущей тѣхъ, къ которымъ она, къ заранѣе предопредѣленному жребію. Мы—не только дѣти физически нашихъ отцовъ, но тяготѣемъ подъ бременемъ всего, что унаслѣдовано обществомъ, къ которому при-

надлежимъ, подъ бременемъ привычекъ мысленныхъ традицій, условностей и предрасудковъ, нашихъ представлений, „призраковъ“. Когда эти „призраки“ составляли живое содержание жизни слагающагося общества, были идеалами, которые строили и созидали жизни, но съ теченіемъ времени превратились въ рутинно-принятые фразы, привычныя формы, сковывающія мысль отдѣльнаго человѣка рамки. А вырваться изъ нихъ такъ трудно, и часто человѣкъ только воображаетъ, что онъ вырвался изъ нихъ, что идетъ своимъ собственнымъ, сознательно выбраннымъ путемъ, а на дѣлѣ онъ только исполняетъ то, что подсказываютъ ему идущія изъ него бессознательныя силы, притаившіяся въ немъ самомъ, плодъ развитія и жизни цѣлаго поколѣнія.

Возможно ли человѣку вырваться изъ руды желѣзнаго закона необходимости, можетъ ли онъ и насколько, чувствуя себя внутренне свободнымъ, сознательно и самостоятельно строить свою судьбу? Вопросъ въ цѣломъ рядѣ произведеній, выдвигаемыхъ Ибсеномъ, „много голого безпокойныхъ томилъ онъ, много имъ мучился“, между прочимъ—герою его „всемирно-исторической драмы“ Юліана-Отступника. Каинъ и Иуда являются въ этой драмѣ (въ сценѣ мистическаго симпозиона) жертвами мировой необходимости, подобно самому Юліану, утверждающему, помимо воли своей, то, противъ чего боролся. Что же можетъ противопоставить этой фатальной необходимости человѣкъ? Только волю энергичной, сильной личности, которая имѣетъ силу быть *самою собою*, повиноваться только тому, что лежитъ въ ней самой, и подымаетъ протестъ противъ всего лежащаго въ общепринятаго и обезличивающаго людей, притупляющаго ихъ подъ однимъ общимъ уровнемъ.

Эта идея, что человѣкъ имѣетъ обязанности не только предъ ближними и обществомъ, но и предъ самимъ собою, что онъ долженъ прежде всего отстаивать и проявлять свою индивидуальность и волю, проходить красную ленту чрезъ всё произведеніе Ибсена, начинается съ „Борьбы за престолъ“. Герои Ибсена размѣщаются по лѣстницѣ—отъ безвольнаго Пера Гянта, промѣняющаго гордыню девизъ человѣка: „будь самимъ собою“ на девизъ полулюдей получертей тролльдовъ—„вольствуйся самимъ собою“,—до безпощадныхъ себѣ и другимъ Бранда, девизъ котораго все или ничего. Защита правъ индивидуальной человеческой личности отъ ига, узъ и стѣнъ нѣ семейнаго, общественнаго, партійнаго

государственного союза—вот та точка зрѣнія, съ которой подходит Ибсенъ къ этимъ союзамъ, и надо сознаться, что въ своемъ анархическомъ революционерствѣ онъ знаетъ мало соперниковъ: изъ русскихъ развѣ Левъ Толстой можетъ быть поставленъ съ нимъ рядомъ по непримиримости, какъ ни различны ихъ основные взгляды и настроенія.

Знаменитый парадоксъ, вложенный въ уста дра Штокмана: „сильный всего сильнѣе, когда онъ дѣйствуетъ одинъ“ (нерѣдко цитируется въ неточномъ переводѣ: сильнѣе всего—одинокой) наиболѣе яркое и общезвѣстное выраженіе этой вѣры въ сильную волю, свободную личность, которая такъ характерна для созданий Ибсена. Она-то такъ поднимающе и дѣйствуетъ на современнаго читателя во многихъ изъ этихъ созданий. Не даромъ же „Врагъ народа“, съ его безпощадною критикою политическихъ партій, съ его сарказмами противъ „компактнаго большинства“, несмотря на то, повсемѣстно въ Россіи, въ предреволюціонный періодъ, пользовался шумнымъ успѣхомъ, въ качествѣ произведенія, отвѣчавшаго жгучему политическому настроенію. Да и не одинъ „Врагъ народа“. Въ одной газетной статьѣ объ Ибсенѣ мы встрѣтили вѣрное указаніе, что въ наши дни множество русскихъ людей нашло свой идеалъ по настроенію именно въ „Брандъ“ съ его девизомъ: „все или ничего“.

Къ чему же ведетъ борьба, гдѣ исходъ той борьбы съ темными силами человѣческаго духа, которая составляетъ, по взгляду Ибсена, содержаніе жизни и находитъ себѣ отраженіе въ творчествѣ писателя? Любимая, многократно высказанная Ибсенемъ идея—это постоянное чередованіе, смѣна и борьба въ жизни человѣчества двухъ настроеній, двухъ началъ, двухъ царствъ: первое изъ нихъ царство языческое, царство плоти, тѣлеснаго эгоистическаго наслажденія, другое—царство изначальнаго христіанства, царство духа, оторваннаго отъ жизни духовнаго совершенствованія и подвига; искони враждуютъ они другъ съ другомъ, въ этомъ и состоитъ „всемирно-историческая трагедія“ человѣчества, и лишь впереди, въ далекомъ будущемъ свѣтятся человѣчеству надежда примиренія этихъ двухъ началъ, своего рода Ормузда и Аримана, въ единомъ синтезѣ. Въ наиболѣе ясной формѣ эта идея развита въ „Императоръ и Галилеянинъ“. Ибсенъ примакаетъ здѣсь близко къ Ницше (въ свою очередь эти мысли очень близко сказались въ произведеніяхъ г. Мережковскаго). Но и во всѣхъ произведеніяхъ Ибсена, не исключая его драмъ

изъ современной жизни, особенно самаго послѣдняго періода, начиная со „строителя Сольнеса“, мы видимъ ту же жажду увидѣть обновленнаго человѣка, увидѣть слияніе въ одно прекрасное и могучее цѣлое началъ языческаго и христіанскаго (въ вышеприведенномъ условномъ смыслѣ), плоти и духа, необходимости и свободы.

Каждый изъ нашихъ читателей, вѣроятно, видѣлъ портреты Ибсена, эту огромную голову, съ бурно-разметанной конной волосою, съ острыми, пронзительными взглядомъ, съ энергично-сжатыми, не любящими тратить словъ попусту ртомъ. Это—голова мыслителя-бойца, и такимъ знаетъ его и долго будетъ чтить весь цивилизованный міръ.

Но и любить Ибсена долго будутъ многія и многія тысячи слабыхъ человѣческихъ душъ, которымъ онъ показалъ ихъ собственный обличительный образъ въ „Перѣ Гинтѣ“ и въ другихъ созданіяхъ. При всемъ безпощадно-рокическомъ отношеніи писателя къ той безконечной сѣтѣ лжи, условностей, предразсудковъ, въ которой бьется современныи человѣкъ, отъ вершинъ аристократіи до низовъ пролетариата, Ибсенъ находитъ въ себѣ источникъ неизмѣннаго сочувствія вѣчной идеѣ самой жизни и тѣмъ, кто падаетъ жертвой ея противорчій или несознаннымъ гнета, самъ оставаясь въ нихъ неповиненъ. Оттого такъ трогательны и чисты нѣкоторые его образы дѣтей и дѣвушекъ. Такъ и сцена смерти старой Озе въ „Перѣ Гинтѣ“ (нельзя не признать, что этою сценою навѣяна сцена смерти Анны въ пьесѣ Горькаго „На днѣ“, гдѣ Лука точно такъ, какъ Перъ Гинтъ, облегчаетъ фантазію послѣднія минуты умирающей)—принадлежатъ къ числу трогательнѣйшихъ художественныхъ образовъ всемирной литературы.

Будущее оцѣнить и вліяніе Ибсена на другія литературы, въ частности и на русскую; примѣры послѣдняго мы и указали уже мимоходомъ. Какъ создатель новаго рода искусства, философской символической драмы (самый послѣдній періодъ его творчества, начиная съ „Призраковъ“) онъ до сихъ поръ ждетъ серьезной оцѣнки. Несомнѣнно, что въ лицѣ Ибсена сошелъ въ могилу одинъ изъ тѣхъ мировыхъ дѣятелей слова, тяжелые, громовые шаги которыхъ долго и мощно оглашаютъ все своды и переходы безконечнаго зданія, Палатеона мировой литературы.

4. Вѣтринскій.